

Китайские народные сказки

Золотая птичка и дух дерева

Рос в старину в неведомом краю лес, густой, дремучий. Уж и не знаю, сколько дней, сколько ночей надобно идти, чтоб от конца до конца пройти. Каких только деревьев в том лесу нет! Сосны да кипарисы все четыре времени года зелены стоят. Дикie орехи да утунy весной цветами убираются, клены и дубы осенью красными листьями укрываются, боярышник и груши плоды дарят. Хэй! Всех и не перечтешь! Трех ночей, трех дней не хватит. Росла в том лесу акация старая-престарая. Ветки на макушке кривые, изогнутые, не то ветки, не то дракон, в стволе дупло — целый дом. Жил в том дупле дух дерева. Мудрый был, все знал. Постель у него — громадные листья сухие, дверная занавеска — золотые да серебряные лианы, что вокруг дерева обвились. Расскажу я вам, какая с тем духом однажды история приключилась. Да вначале не про то речь пойдет.

Далеко-далеко от леса стояла маленькая деревушка. Рос в той деревушке большой вяз. На вязе резвилась да щебетала птаха малая, перья золотистые. Стояли возле вяза два дома крыша в крышу, меж домами стена глинобитная, тонкая. К западу от стены жил бедняк по прозванью Лю Чунь-тянь. Земли у него, как говорится, пальцем ткнуть не во что. Вставляли они с женой чуть свет, в пятую стражу, и принимались жернова крутить, соевый сыр делать. Сами шелуху бобовую едят, пену с соевого сыра подбирают, а денег заработают — старую мать накормят, без малого восемьдесят годов ей. К востоку от стены богач жил — и мулы у него, и лошади. Ван Юй-фэн прозывался — Ван Нефритовый пик. Богачи своим детям всегда имена красивые дают. Была у Ван Юй-фэна мать-старуха, лет эдак восемьдесят с лишком ей. На ухо туговата, глазами подслеповата. Слаба да немощна — с кана слезть не может. А Ван Юй-фэн только и знает, что односельчан зерном да деньгами ссужать, проценты и арендную плату взыскивать. И жена ему под стать: откроет рот — про деньги речь ведет. Закроет рот — про деньги думает. Не то чтобы о старухе позаботиться, так еще ворчит: что она-де под ногами у них путается, зря хлеб ест, никак не помрет. Есть такая присказка: заморозил иней траву в ложине. В тот год в самом конце весны — огромный вяз уже нежно-зелеными листьями весь покрылся — занемогла мать Лю Чунь-тяня. Горюют Лю с женой, печалются. Им бы денег займы взять, только бедняку, как говорится, везде от ворот поворот. Снял с себя Лю Чунь-тянь ветхую одежку, жена бронзовые шпильки из волос вытащила — продали, едва наскребли денег на лекарство. Только не помогло оно старухе. Умерла горемыка. Вспомнил тут Лю Чунь-тянь, сколько мук приняла мать, пока его растила, а он так и не дал ей дня счастливо пожить. Болит у него сердце, будто кто его из груди рвет. Заплакали горько муж с женой.

Вдруг ветер стих, с неба дождь полил, поникли ветки вяза. Увидела золотая птичка, как убиваются бедняги, плач услышала. Раскрыла клюв, снова закрыла, не щебечет — грустно ей. В черных глазах светлые слезинки блестят, улетела она по дождю, по серому, по мелкому. А птице лес покинуть — все равно что человеку родную деревню. Летела птичка, летела, нежданно-негаданно в тот самый лес залетела, огромный, густой, туманом скрытый, на старую акацию опустилась. Подул ветер, дождь перестал, на листьях капли засверкали, на тополях сквозь белую кору свежая кожица проглянула нежно-зеленая. Кричат кукушки, летают фазаны, а у золотой птички в черных глазах светлые слезинки блестят. Рассеялись тучи, солнышко выглянуло, трава заблестела — жемчуг драгоценный. Обвили старую акацию лианы, на лианах цветы расцвели — мотыльки золотые да серебряные. Росинки на землю падают, дивный аромат во все стороны разносится, над цветами пчелы гудят, бабочки порхают. Только золотой птичке грустно. Не удержалась она, стала клевать нежные блестящие цветочки. Клонет — слезинку уронит, еще клонет — еще слезинку уронит. Задвигались, заходили по всему дереву золотые, серебряные цветочки, раздвинулись на обе стороны, открылось дупло, вышел из него добрый старик: волосы длинные, по самые плечи, блестят, как перья белые птицы аиста; лицо румяное, свежее, глаза живые, ясные, как у младенца. Не раз, не два летала птичка по лесу, сразу смекнула — сам дух дерева перед ней. Не успела клюв

раскрыть, а дух ей и говорит:

— Тысячу раз по тысяче лет живу я в лесу, а никогда не видел слез птичьих. Говорят люди, не умеют птицы плакать. Отчего же ты, золотая птичка, нынче заплакала, стариковское сердце слезами разбредила?

Зачирикала тут птаха малая, да так печально:

— Добрый дедушка! Вот что я нынче видела, вот отчего опечалилась.

Понимал лесной старец язык птичий, и рассказала ему золотая птичка все по порядку. Как Лю Чунь-тянь бедно жил, как за своей старой матерью ходил, как лекарство ей добывал, как вместе с женой убивался, когда мать умерла. Выслушал птичку старец, ничего не сказал. Стоит, молчит, думу думает. А птичка знай твердит:

— Верь, добрый дедушка! Хорошие они люди, Лю Чунь-тянь да его жена, справедливые!

Замотал старик головой и говорит:

— Вот что я тебе скажу, птаха малая! Чтоб узнать, хорош ли человек, плох ли, видеть еще надобно, как он к чужим людям относится.

Покачала птаха головой и отвечает:

— Да ты сам пойдя погляди, тогда и узнаешь, какие оба они справедливые да хорошие.

Старец шелохнулся, тощей старухой обернулся — платье латаное-перелатаное, живого места нет.

Говорит старуха:

— Птаха золотые перья! Я и впрямь схожу, на них погляжу!

А Лю Чунь-тянь с женой, как схоронили мать, в доме сидят, горюют, кусок в горло не идет. Вдруг смотрят — старуха в воротах стоит, тощая-претощая, ветер дунет — с ног свалит. Жалко им старуху — мочи нет.

А старуха им и говорит:

— Люди добрые, дайте хоть сухой лепешки поесть!

Вскочил Лю Чунь-тянь, поскорее лепешку выбрал самую лучшую, старухе отдал. Пуще прежнего жена печалится и говорит старухе:

— Матушка! В твои ли годы через овраги перебираться да через кручи! Небось и ноги не ходят!

Отвечает ей старуха:

— Одна я в целом свете, ни сына, ни дочки, негде голову приклонить, где упаду, там и смерть заберет.

Глядит Лю Чунь-тянь на старуху, матушку — покойницу вспоминает, и у этой горемыки, видать, ни одного счастливого дня в жизни не было. Слыханное ли дело, в такие-то годы побираться — у одного рису горсточку выпросить, у другого лепешки кусок.

И говорит Лю Чунь-тянь старухе:

— Оставайся жить у нас, матушка, коли не брезгуешь нашей бедностью!

А жена ему вторит:

— Наша матушка умерла, будешь в доме за старшую.

Согласилась старуха, стала жить с Лю Чунь-тянем и его женой. Уж так они за ней ухаживали, так ее обхаживали, что и рассказать трудно.

Лю нет-нет да и скажет жене:

— Смотри не давай ничего матушке делать. Старый что малый, слаб да немощен.

Сами они с женой ни днем, ни ночью отдыха себе не дают. Видит это старуха, как ей на кане усидеть? Вот и старается помочь: то огонь разведет, то соевый сыр через сито процедит. А они как настряпают еды, так первым делом старухе отведать дадут.

Жена нет-нет да и скажет потихоньку мужу:

— Старому человеку рис силы прибавляет. А у молодого и так сила есть, поголодать может.

Сказать по правде, трудно им жилось. Но все трое друг дружке помогали, в согласии жили.

Верно говорят: много дней проживешь — человека поймешь. Прошел год, после еще год. Крепко полюбили Лю Чунь-тянь и его жена добрую женщину. Вот и третий год к концу подходит. Но как-то раз кликнула их обоих старуха и говорит:

— Пришла мне пора уйти от вас, детушки!

Не ждали, не гадали муж с женой, что такое приключится может. Говорит печально Лю Чунь-тянь:

— Чем не потрафили мы тебе, матушка? Или опостылела наша жизнь горькая?

Спрашивает жена:

— Уж не я ли ненароком слово тебе какое худое сказала или чем другим сердце твое поранила?

Покачала женщина головой и отвечает:

— Не мучайте вы себя напрасными думами. С вами и горькие дни сладкими покажутся, рана на сердце заживет. Только не могу я больше оставаться здесь, надобно мне уходить.

Не отпускает Лю Чунь-тянь старуху, и так уговаривает, и эдак увещевает. Жалость его одолела.

Кто накормит горемыку, кто напоит?

Говорит ей Лю Чунь-тянь:

— Уйдешь, пусто в доме станет. В неведомые края подашься, где тебя искать будем?

Плачет жена, слезами заливается:

— Жили мы вместе — корни горькой лианы перевитые. Ветер да иней три года вместе терпели.

Покинешь ты нас — не видать нам покоя.

Подумала старая, подумала и отвечает:

— Не надо меня уговаривать, не надо упрашивать, должна я уйти. Сходите лучше к дереву, у самых корней глины накопайте. Вылеплю я вам человечка, на меня похожего. Затоскуете, на человечка поглядите.

Видят муж с женой: никак не уговорить старуху. Пошли к дереву, накопили глины, домой принесли. Взяла старуха глину, давай ее мять. Мнет да приговаривает:

В деревне вяз стоит, у вяза Лю Чунь-тянь живет.

Жила я у него, жила, три года прожила.

Нынче ухожу, да нечего оставить ему.

Вылеплю из глины человечка,

Человечек плюнет — серебряную монету выбросит.

Сказала так старуха, а человечек уже готов, точь-в-точь старуха. Рот раскроет — изо рта серебряные монеты сыплются. Засмотрелись муж с женой, не заметили, как старуха исчезла. Тут только смекнули они, что старуха эта бессмертной была. Живут муж с женой — горя не знают. Прознали про то соседи, которые к востоку от стены жили, Ван Юй-фэн да его жена, подивились. Прежде, когда Лю Чунь-тянь с женой в бедности жили, соседи к ним ни ногой. А сейчас вдруг проведать их надумали. Вошел Ван Юй-фэн в дом, нет чтобы разговор завести, слово доброе сказать, рыщет по всем углам своими крысиными глазами, то на восток кинет взгляд, то на запад, смотрел, смотрел и высмотрел глиняного человечка. Стоит человечек на столике, изо рта у него серебряные монеты сыплются, звенят. До разговоров ли тут? Увидел Ван Юй-фэн человечка и спрашивает:

— Откуда у вас это сокровище?

Не умеют Лю Чунь-тянь с женой врать, всю правду и выложили. Побежал Ван Юй-фэн домой, все жене рассказал. Взяли они веревку и мать задушили. Теперь, думают, в доме ртом меньше да еще глиняного человечка можно будет заполучить. Выгодное дельце обтяпали! Сели они во дворе, заголосили, а слез нет — слушать тошно. Прилетел ветер, зашумел, загудел, только бы не слышать этих злодеев. Солнце от злости еще желтее стало. Сердито закачалась ветка на вязе. Увидала

лиходеев золотая птичка, услышала их вопли истошные, разгневалась, острый клюв раскрыла, круглыми глазами на них зло смотрит. Опротивело ей слушать их притворный плач. Отряхнула птаха перышки, крылья расправила, вместе с песком да ветром улетела.

В беде друга ищут. И отправилась птаха малая искать доброго духа, того, что в дупле живет.

Крыльями машет — летит, хвостом вертит — спешит. Летела-летела, в дремучий лес прилетела, на старую акацию села. Только не удержаться ей на ветке, сдуло ее ветром. Все крепчает ветер, листья с деревьев срывает, по небу их гонит. Стараются птаха малая, совсем из сил выбилась, никак не сесть ей на большую акацию. Все перышки ее блестящие ветер растрепал, все коготки ей поломал. Как теперь за ветки цепляться? Налетел ветер на лиану, все ветки ее перемешал, серебряные и золотые цветочки в кучу сбил. Хотела птаха за лиану уцепиться, ветер ее в сторону отбросил. Ударилась птаха о ствол сухой, ей бы разбиться, а она и не чувствует. Это дух из дупла руку высунул, птаху взял. Жалко доброму старцу птаху, и досада его разбирает.

Говорит старец:

— Птаха малая, перья золотые! Ветер дует, а ты по свету летаешь! Или беда какая тебя привела? Или неведомо тебе, что добрые супруги давно живут в довольстве, нужды не знают?

Отвечает золотая птаха:

— Добрый дедушка! Злость во мне аж кипит. Не знаешь ты, какие нынче дела творятся! А как узнаешь — поймешь, отчего я летела, ветра не побоялась, не будешь меня винить.

И поведала птаха малая все, как есть, по порядку, как Ван Юй-фэн богато жил, мать не почитал да обижал, как на глиняного человечка позарился, как мать веревкой удавил. Как после со своей женой во дворе голосил, слез не лил. Про все рассказала старцу птаха малая, а потом говорит:

— Верь, добрый дедушка! Злые они люди, Ван Юй-фэн и его жена! Несправедливые!

Покачал старик головой и говорит:

— Птаха малая, перья золотые, не верю я, что есть такие лиходеи на свете! Слыханное ли дело, родную мать извести, до смерти ее довести!

Замотала птичка головой и отвечает:

— Да ты сам пойдешь погляди, тогда и узнаешь, какие жадные они да зловерные!

Старец шелохнулся, тощей старухой обернулся — платье латаное-перелатаное, живого места нет.

Говорит старуха:

— Птаха малая, перья золотые! Я и впрямь схожу, на них погляжу!

А Ван Юй-фэн с женой, как схоронили матушку, только и думают, как бы бессмертная скорее пришла. Заголосят — глаза сухие, — за ворота выглянут, опять заголосят — опять за ворота поглядят. Уж и не знаю, сколько часов они так просидели. Вдруг смотрят — ветер налетел, песок закружился, у ворот старая старуха появилась, до ворот кое-как добралась, остановилась. Хотела жена прогнать горемыку, муж не дал, старуха точь-в-точь глиняный человечек, которого он у Лю Чунь-тяня видел. Побежал он к воротам да как закричит:

— Добрая матушка, бессмертная! Заходи в дом поскорей. Мы тебя на славу попотчуем! Не то что Лю Чунь-тянь!

Замотала старуха головой и говорит:

— Никакая я не бессмертная, простая старуха бедная. Пожалейте меня, дайте сухой лепешки поесть!

Пошла жена Ван Юй-фэна в дом за лепешкой, а сама ворчит:

— С какой стати старуху бедную потчевать как бессмертную?

Поискала жена, поискала, нашла сухую лепешку, которую собаке припасла, старухе бросила.

Говорит Ван Юй-фэн старухе:

— Матушка! В твои ли годы через овраги перебираться да через кручи? Небось и ноги не ходят!

— Одна я в целом свете, ни сына, ни дочки, негде голову приклонить. Где упаду, там и смерть заберет.

Услыхал это Ван Юй-фэн, обрадовался. Старуха эта наверняка бессмертная. Точь-в-точь такие слова она и Лю Чунь-тяню говорила.

А Ван Юй-фэну только этого и надо. Говорит он старухе:

— Оставайся с нами жить. В доме комната свободная есть.

Услыхала это жена, растревожилась, не стерпела и говорит громким голосом:

— Не успели от одного рта избавиться, ты дыру нашел, куда пищу сваливать.

Ничего старуха не сказала, за Ван Юй-фэном в дом пошла. Тут как раз и обед подоспел. Еды у Ван Юй-фэна всегда вдоволь, как на праздник. Отвели муж с женой старуху в пустую комнату, а сами ушли, наелись, напились, остатки старухе отнесли — немного овощей да холодного рису. На ужин то же самое подали.

Спать легли, в третью стражу проснулись — заныло у скряг сердце от жадности.

Жена бормочет:

— Бедняк — он и есть бедняк. Зря еду переводим.

Взяло Ван Юй-фэна сомнение: «Вдруг, думает, старуха и впрямь не бессмертная, тогда это прямой убыток». Думал он, думал и как хватит кулаком по столу:

— Ладно, — говорит, — придумал я один способ!

Выслушала жена мужа, обрадовалась и говорит:

— Лучше и не придумаешь! Коли она и вправду бессмертная, будет у нас глиняный человечек, который серебряными монетами сыплет, коли просто старуха бедная, выгоним ее, и делу конец.

Видят они, что не уснуть им больше, встали, к старухе пошли. Спит старуха крепким сном.

Разбудили ее муж с женой, силой подняли. Говорит ей Ван Юй-фэн:

— Коли ты и вправду бессмертная, а только обернулась старухой, слепи нам глиняного человечка, у которого серебряные монеты изо рта сыплются. Слепишь — я тебя три года кормить буду.

Смотрит на них старуха, молчит, никак не поймет, в чем дело. Обозлилась жена, не стерпела да как закричит:

— Так я и знала, никакая она не бессмертная, просто нищая да бедная!

Не испугалась старуха, не рассердилась, улыбнулась и говорит:

— Пора мне от вас уходить. Идите к дереву, из-под самых корней глины накопайте. Слеплю вам человечка, не зря я к вам приходила!

Услыхали это муж с женой, себя не помнят от радости, пошли глину копать, накопили, в дом воротились. Взяла старуха глину, стала лепить. Лепит да приговаривает:

В деревне вяз стоит, у вяза Ван Юй-фэн живет,

Вчера пришла, до третьей стражи побыла, уходить пора,

Нынче ухожу, да нечего оставить ему.

Вылеплю из глины человечка,

Человечек плюнет — изо рта овод вылетит.

Сказала так старуха, а человечек уже готов. Не то на Ван Юй-фэна похож, не то на его жену.

Раскрыл человечек рот, стали изо рта оводы вылетать, огромные, один другого больше, в три пальца толщиной. Кинулись оводы к лампе, жужжат. А старуха вдруг исчезла. Облепили твари поганые Ван Юй-фэна да его жену. Одного прихлопнут — второй жалит, второго отгонят — третий кусается. Вскоро лица у обоих распухли — глаз не открыть. Стали муж с женой от боли по земле кататься.